

Вильгельм ШУЛЬЦ

Последняя торпеда Рейха

Подводные
асы не сдаются!

Война. Штрафбат. Они сражались за Гитлера

Вильгельм Шульц

**Последняя торпеда Рейха.
Подводные асы не сдаются!**

«Яуза»

2012

Шульц В.

Последняя торпеда Рейха. Подводные асы не сдаются! /

В. Шульц — «Яуза», 2012 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Гитлера)

Новый роман от автора бестселлеров «“Подводный волк” Гитлера» и «Последняя подлодка фюрера»! Завершение кровавой одиссеи лучшего Der Seebär (дословно: «морского медведя», хотя русские сказали бы: «морского волка») Третьего Рейха. Пусть его U-boot давно числится Zosse (потопленной) — подводные асы Кригсмарине не сдаются даже «после смерти». Пусть WunderWaffe создано слишком поздно — немецкий атом, еще более «грязный», чем американский, грозит радиоактивным заражением всему миру. Но самое опасное оружие погибшего Рейха — даже не атомная бомба, а сверхсекретные архивы СС, за которыми охотятся все спецслужбы мира — и ЦРУ, и «МОССАД», и МИ-6, и лучшие агенты Берии. Их война не закончена даже после того, как выпущена последняя торпеда!

© Шульц В., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2 Завещание Лорда Хейза	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вильгельм Шульц

Последняя торпеда Рейха.

Подводные асы не сдаются!

Я ругаю Бога, из-за которого я не умру никогда.
Мигель де Серрано

От автора

Меньше двух лет прошло с того момента, когда в Европе воцарился мир. Однако мир этот иллюзорен. Германия побеждена. Но победа эта не кажется полной. Зачастую победители в качестве трофеев получили только груды покореженного ржавого металла. Многие технологии III Рейха так и остались скрытыми от союзников. А они нужны, как воздух, как хлеб. Война вот-вот может вспыхнуть с новой силой. И кто в ней будет друг, а кто враг, пока предсказать трудно. Ледовая база III Рейха, Новая Швабия – последний оплот империи, затерянный во льдах Антарктиды. Туда вывезены лучшие специалисты, ценнейшие архивы и магические реликвии. Там оказываются, как правило, те, кому нечего терять, кто уже никак не сможет рассчитывать на снисхождение и когда-то в будущем, возможно, вписаться в новую жизнь Европы. Среди них ас-подводник Хельмут Ройтер со своей преданной командой. Это настоящие морские волки, прошедшие суровую школу войны и не менее суровую подготовку для работы по сверхсекретной программе «Ипсилон» – системе многоцелевого назначения, способной перемещать объекты в пространстве и, возможно, даже во времени. Новая Швабия успешно отбивает атаку адмирала Бэрда, но вечно во льдах жить невозможно. Армия без четкой боевой задачи, партия без фюрера – это кратчайший путь к мятежу. И разрушить единство защитников последнего оплота арийской цивилизации жаждут многие спецслужбы мира. В новой войне, которая вот-вот может вспыхнуть, каждому нужны союзники. Для Ройтера главный враг – Британия. Именно с ней он сражался 6 лет на море, именно с ней у него счеты – погибшие друзья и пропавшая без вести семья. Но это не так однозначно для многих его бывших соратников. На ледовой базе идет брожение. Слишком много авторитетов и слишком велика ответственность, а фюрер погиб, и его преемник Карл Дёниц не намерен больше играть в политику. Критическая масса копится и в конце концов взрывается мятежом. Когда нет фюрера – каждый сам себе фюрер, и каждый отстаивает свою правду. Кто-то намерен взять реванш, кто-то понимает, что это уже невозможно и приведет к окончательному уничтожению немецкого народа, а может быть и всей континентальной Европы. Мятеж подавлен, так и не успев начаться, его итоги – провал операции высадки в Европе и потеря опытно-боевой установки «Ипсилон». Однако горстке путчиков, сумевших захватить часть архивов Анненербе и секреты «Ипсилона», удастся бежать. Лидер беглецов – Хельмут Ройтер вновь готов принять неравный бой с целым миром, в котором уже нет баз, нет мудрых командиров и харизматических фюреров, а есть только опасности, враги, жажда мести и собственное представление о чести.

Глава 1

Начальник отдела «Ф»

17. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа;

18. потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Екклесиаст, гл. 1

Февраль 47-го года в Москве выдался очень снежным. С небес бесконечной чередой валили крупные хлопья похожие на гагачий пух. Казалось, город превращается в один огромный сугроб. Если трамвайные пути еще как-то расчищали техникой, то пешеходам приходилось совсем неважно. Дворники ограничивались лишь проделыванием узких проходов среди громоздящихся почти на высоту первого этажа белых холмов. Город кутался в снежное пуховое одеяло как больной в горячке. Равнодушен к окружающим, да и к своей собственной судьбе.

Из окна кабинета начальника отдела «Ф» НКВД СССР открывался вид на бесконечные крыши, покрытые снежными шапками, которые, если бы не поблескивали стальным светом в лучах полной луны, напоминали пейзаж туркестанской пустыни.

«Может, хоть этот год будет урожайным...» – вздохнул генерал. В 46-м засуха уничтожила посевы, да и работать на полях особо было некому. Когда еще танкисты пересядут за рычаги тракторов. А сколько их лежит по лесам, по оврагам от Волги до Эльбы...

Только сейчас через пургу и пепел, через голод и кровь стала проступать, становиться явной цена победы. Но победы ли? Война еще не окончена. Побежден только один враг, а другие лишь стали сильнее и ждут удобного момента, чтобы вонзить кинжал в спину... Сколько атомных бомб успели за это время наклепать американцы? 10? 30? 50? Кто знает...

Русской столице удалось избежать серьезных разрушений. Осенью в город пришел саратовский газ, но на работе центрального отопления это еще не успело отразиться. Хорошо еще, что в здании НКВД – собственная котельная и уголь туда поставляли исправно.

Начальник отдела «Ф» Павел Судоплатов работал по ночам. Да практически весь командный аппарат Советов работал, подстраиваясь под режим Хозяина, как почтительно и с опаской окружение называло Сталина. Впрочем, почтительный трепет к вождю испытывали далеко не все. Были и такие, кто прятал под маской раболепия пламенную ненависть и ждал только момента, чтобы пустить в ход заранее отточенный кинжал. В Третьем Риме Цезарем было быть не менее опасно, чем в первом и втором. Начальник отдела «Ф» был верным оруженосцем русского Оттокара¹. Но время еще не пришло, и кинжал был тщательно спрятан в складках плаща. А пока ангел не протрубил – идет обычная работа. Ничто не вызывает подозрений. И то, что сейчас здесь находился его подчиненный, полковник Лапшин, тоже вполне обычное дело.

Генерал просматривал личные дела новых рекомендованных сотрудников.

«Леонид Марченко, из казаков, родился в 1915 г. в станице Султан-Салы Азовской губернии (ныне поселок Ростовской обл.), окончил школу-восьмилетку, ФЗУ при судоремонтном заводе, по комсомольской путевке отправлен на Балтийский флот... Член ВКП(б) с 1939 года, младший политрук на подлодке № такой-то... участие в боях... Рекомендован в школу НКВД...»

– Все так, полковник, все так... Но вот смотрите, полковник: «Брат, Петр Марченко, пропал без вести в 42-м году...»

¹ Оттокар (Одоакр) – первый король Италии, вождь племени герулов, свергнувший последнего римского императора Ромула Августа. (Здесь и далее прим. переводчика.)

– Товарищ генерал, вы же сами понимаете, что это может означать все, что угодно. Мог героически погибнуть, мог попасть в плен...

– Мог и сдаться врагу намеренно... Хотя... вы, пожалуй, правы. Мутит уже от дебилов с образцовыми анкетами...

– Потом, товарищ генерал, есть еще одно обстоятельство. Может, его придется внедрять, а это все же не арифметика.

– Смотрите, полковник, не слишком ли вы рискуете... Впрочем, решение – ваше. А как поживает наш друг «Серж»?

– «Серж» не вышел на связь. Меня это беспокоит. У них там была какая-то внутренняя военная активность...

– Значит, все-таки кишка тонка оказалась у фрицев атаковать?

– Видимо, произошел раскол. Путч разразился как раз в день операции. «Серж» вполне может быть и убит, и арестован.

– Да уж... борьба за власть... За власть над клочком безжизненной ледяной пустыни... – Генерал снова посмотрел в окно. Полковник перехватил его взгляд и *понял*.

– В Антарктиде сейчас лето. Навигация на объекте «Эльза» в самом разгаре.

– В голове все же не укладывается... Сейчас мы, пусть и неофициально, сотрудничаем с бывшим врагом. Вот вам и арифметика...

– Ну, от этих-то опасности нам особенной нет, а вот то, что они могут реально помочь против англичан с американцами... Вон «Серж» уже помог.

– Да, его бомбы пришлись нам как нельзя кстати. Жаль только, что документация по ним бесполезна, в серию пустить нельзя. Слишком уж далеко ушел Курчатov по американской дорожке. А два параллельных проекта мы просто не потянем. Американцы и те вон не тянут...

– Товарищ генерал, позвольте я подготовлю документы на представление «Сержа» к награде. Полагаю, он заслужил...

– К чему собираетесь представлять? – перебил генерал.

– Ну... вообще-то его действия подпадают под статут Героя Советского Союза...

– Нет, это как-то уж слишком... Фашисту и героя... нет... Я даже не представляю, как я пойду с этими документами к Хозяину. Нет... – Генерал еще несколько раз повторил «нет», как будто прислушивался, насколько убедительно звучит его голос.

– Тогда, может быть, как иностранному гражданину – Красная Звезда? «За заслуги в укреплении обороноспособности...» Посмертно. Ведь если он погиб, то получается – от рук фашистов...

Судоплатов неопределенно кивнул.

– Готовьте документы, я посмотрю.

– Павел Анатольевич, – совсем тихо обратился Лапшин. Так обращаются, только когда речь идет о какой-то личной просьбе. – Курчатov близок к успеху?

– Довольно близок Думаю, в следующем году изделие может пойти в серию. Каждый месяц играет роль.

В эти дни в недрах управления «Ф» создавался новый секретный отдел, можно сказать – структура будущего. Это атом, это психические исследования, это реактивное оружие. И оттого, кто составит костяк этого управления, будет зависеть, возможно, исход будущей войны – войны, не похожей ни на одну из войн прошлого. Готовы ли мы к ней? Насколько мы освоили потенциал побежденного врага, которым он не успел воспользоваться? Насколько этот потенциал способен склонить чашу весов на сторону Советов в будущей битве с американцами?

Последние месяцы прекрасно работал агент «Серж», который сумел переправить 2 ядерных заряда из Новой Швабии – немецкой антарктической колонии. Эта колония готова была сражаться со всем миром вопреки здравому смыслу. Собственно, те, кто окопался в антарктических льдах, и не могли рассчитывать на снисхождение. Эсэсовцы, фанатики, отморозки – что

им было терять? За 6 лет войны метрополия их вооружила до зубов, причем, видимо, планы фашистского руководства, которым не удалось осуществиться, предполагали, что именно Новая Швабия будет «Новым светом» будущего. Туда перевели многие секретные производства, подальше от англо-американских бомб и русских пушек

Буквально на следующий день после открытия советского посольства в Боливии² был установлен контакт с крупным нацистским деятелем. Агонизирующий Рейх хватался за соломинку. Сотрудникам в Боливии пришлось изрядно потрудиться. Могла ведь быть и провокация! Тем более что нацист действовал через посредника. Этот посредник практически слово в слово воспроизвел послание Геббельса Жукову, с той лишь разницей, что текст Геббельса стал известен двумя неделями позже. Дипломаты – не окопные солдаты и не армейские генералы. Возможность ими была немедленно оценена. С таким же успехом «Серж», такой оперативный псевдоним был присвоен высокопоставленному фашисту мог бы выйти и на союзников. Фашист оказался действительно ценным кадром. Он вскоре дал о себе знать через Швейцарию и Турцию и был готов торговаться. Ему было чем. Он был в курсе уранового проекта, сотрудничал с «Аненербе», был хорошо осведомлен о движении партийных средств. В довершение всего этот «Серж» был одним из руководителей таинственной эсэсовской группы ANZUR, занимавшейся оккультным оружием. Руна ANZUR/OSS на древнегерманском обозначала понятие «маг». От него ждали сведений по немецкой транспортной системе «Ипсилон». Над аналогичным проектом в СССР работала лаборатория профессора Олонцкого, но пока у них дело не дошло до инженерных решений. В теории же было все безмерно просто. Если мир имеет 4 измерения длина-ширина-высота + время, то, попадая в точку «О», оказываешься сразу во всех одновременно. Сильный электронный импульс теоретически способен «прожечь» в пространстве-времени дыру, через которую можно переместиться в любую точку, и не только в пространстве. Вот вам настоящее «чудо-оружие» – Щелк! И где-нибудь в Канзасе из пыльного облака появляются колонны ИСов. Щелк! И на рейде Нью-Йорка разворачивается наша эскадра... Война на чужой территории – это серьезный аргумент против атомной бомбы. Страшно подумать, если бы мы вступили в Восточную Пруссию на пару месяцев позже!

Но этот «Серж» был очень скользким типом. За все время сотрудничества он так и не обмолвился ни словом об «Ипсилоне», хотя вся остальная информация, поставляемая им, была самого высшего качества. Он был, вполне возможно, двойным, и даже тройным агентом, потому что и в англо-американские секреты он был также весьма глубоко посвящен. Отличный информатор, казалось иногда, он совершает невозможное, находится одновременно в разных концах мира, для него не составило видимого труда оказаться в Новой Швабии уже после падения Берлина. Но вот он пропал. Растворился в белом безмолвии льдов. А это означает – все с самого начала. Искать контакты, внедрять человека, да и удастся ли внедрить агента со стороны так глубоко? Вопросы, вопросы... и пока без ответов.

В ночь, когда февральский снег засыпал столицу победителей, и решалась судьба бывшего младшего политрука, а ныне – капитана НКВД, на другом конце мира в холодных водах Южной Атлантики боролась за жизнь горстка людей. Пара сотен моряков на трех небольших подводных кораблях. Им было не привыкать. Они умели сражаться. Еще совсем недавно их профессия состояла в том, чтобы топить корабли и суда союзников, и они делали это с высоким профессионализмом, с воодушевлением даже, можно сказать. Они знали и минуты славы, и горечь потерь. Но вот война проиграна. Проиграна не по их вине, но от этого не легче. Более того, проигран путч. Противостояние между бывшими боевыми товарищами, такими же волками папаша Дёница, лучшими бойцами СС и Люфтваффе. Но проигранный путч – это не конец. Это лишь начало! И никто иной, как фюрер, это доказал. А им пока что удалось уйти от пули и Ландсберга. Правда, пришлось бежать, бежать даже с Ultima Thule, последней земли

² Дипломатические отношения с Боливией установлены 18.04.45.

Рейха во льдах Антарктиды – приют изгоев. Для всего мира они – нацисты, военные преступники, гнусные пираты. Их может вздернуть на рею любой британец. Сколь раз увидел, столь раз убил. Но и для нацистов они теперь – предатели и отступники. Ничего. Время все по местам расставит. Когда-нибудь в Гамбурге будет стоять памятник ему, командиру U-2413 – Хельмуту Ройтеру, человеку спасшему город от уничтожения. Бессмысленная самоубийственная атака, без сомнения, вызвала бы ядерный удар американцев, и тут не помог бы ни «Ипсилон», ни летающие диски.

А вот и один из них...

– Срочное погружение!!!

Кто-кто, а командир знал возможности этих игрушек. Сейчас он пойдет на атаку, и не дай бог в этот момент над водой окажутся топливные цистерны... Лют... Матерый волчище, ас из асов, кавалер Железного креста с мечами и бриллиантами... Он никогда ничего не делает наполовину... Никогда. Он не отпустит их так просто.

Удивительно, но «Ханебу» не стал атаковать. Он дважды прошелся над мятежниками и скрылся в сумеречном небе.

– Разведка...

Ну да. С выведенным из строя базовым блоком «Ипсилона» «Ханебу» эффективно атаковать не могут. Интересно, как же тогда Лют намерен расправиться с нами? А он намерен расправиться. Иначе зачем посылать разведку?

Ядерный заряд! Это же просто как трехфенниговая монета! Самолет кидает его просто «по площади», и все! Ничего больше не надо! Их гарантированно накроют!

– Старпом, передайте на остальные лодки, пусть погружаются и меняют курс. Уйдем под кромку льда. Идти на максимальной глубине! Щупать дно эхолотом каждые полминуты.

Так., посчитаем... «Ханебу» сообщил координаты. Бомбардировщик, если только он уже не поднят в воздух, окажется здесь примерно через час... Если идти 18-узловым ходом, их лодка может даже выйдет из зоны поражения, это если мы угадаем направление сброса. Но что с двумя другими – они имеют скорость вдвое меньшую... Только под лед... Лед близко... лед нас спасет...

Да, теперь он один несет ответственность за этих людей. Теперь они его семья. Жена и сын исчезли из Потсдама за несколько дней до штурма Берлина. Кто-то вывез их раньше, чем он сам. Но кто и куда? Скоро два года о них ничего не известно. Ройтер не мог не верить своему командиру. Дёниц утверждал, что семья в безопасности в нейтральной стране. Но ведь и сведения Рейхспрезидента могли быть не точны. Он ведь не Бог... С некоторых пор Папа Карл ставил в тупик одного из лучших своих волков. Рейхспрезидент отказался от побега. Предпочел добровольное заточение в Шпандау почетному праву возглавить правительство Рейха в изгнании. Он самоустранился, отказался продолжать войну.

Это предательство? Ройтер не мог поверить. Авторитет Папы был слитком высок. И Ройтер не нашел в себе сил пойти поперек его воли. Пусть будет мир, да, тот самый худой мир – хуже не бывает, – если Дениц так решил. Пусть Гамбург остается под сапогом англичан. Если альтернатива – атомный апокалипсис Хиросимы и Нагасаки, пусть будет так. В выборе смерть или рабство, получается, он, повинувшись приказу Папы сделал ставку на рабство. Хотя всегда делал ровно наоборот. Гросс-адмиралу, безусловно, виднее. Он принял свой крест за них за всех, и несет его достойно. Впервые в жизни Ройтер уклонился от сражения, он повернул оружие против своих товарищей, но не дал им совершить ошибку. Что это было? Может быть наступало время мудрости? Но мудрость приходила рука об руку с одиночеством.

Итак, единственное основание хоть как-то цепляться за жизнь у него – это ответственность перед двумя сотнями несчастных, которые почему-то поверили ему и пошли за ним. Он для них Бог, и отец. И сейчас от того кто из асов подводной войны кого перехитрит, будет зависеть, останутся ли эти люди живы.

Глава 2 Завещание Лорда Хейза

Утром познав истину, вечером можно умереть.

Конфуций

Подлейтенант Эдвард Хейз³ не покрыл себя славой в морских сражениях прошедшей войны, хотя очень жаждал этого. Его минный тральщик «Блайт» (Blyth) был чернорабочим в великой битве. Очистка от мин фарватеров Хартпулла и Форт-о-Ферта была его вкладом в общую победу. И, наверное, этого было бы достаточно для честного офицера, он ведь тоже рисковал жизнью, и его работа была очень нужна, но Эдвард хотел большего. Хейзы принадлежали не просто к высшей аристократии, не просто к сливкам английского общества, его дед, Говард Хейз, был один из самых влиятельных людей во всей Британской империи. И уж отправить своего внука на более завидную службу ему бы не составило труда. Но старый Хейз не торопился. Более того, он однажды даже серьезно помешал карьере Эдварда, когда тот почти добился перевода на «Арк-Роял». Лорд тогда был чуть ли не при смерти – шутка ли? в 41-м ему было 86 (сейчас, получается, 92), – но история с переводом внука подняла его с постели. Казалось, он предвидит события и бережет Эдварда для более серьезной миссии⁴. Какой? Вот вопрос так вопрос! Война закончилась, закончилась блистательной победой Британии и где теперь молодому Хейзу добывать ордена? В Родезии? Но он моряк... А на морях, похоже, воцарилась эпоха мира, мира на долгие годы. Однако дедушка все-таки призвал к себе Эдварда. И случилось это все тем же февралем 47-го. В Хартпулл пришло письмо. Эдвард не удивился. Старый лорд уже по всем законам природы просто обязан был умереть, тем более что врачи приговорили его уже давно. Так что в этом письме не было бы ничего странного. Старик наконец-таки собрался в мир иной и посылает за родственниками. Но старый Хейз не торопился стать пассажиром на судне капитана Харона. Он был из той породы рыцарей Его Величества, которые никогда не сдаются, и неважно, сколь силен враг. Мозг старого Хейза, случалось, подергивался туманом, но бывали и ясные дни. В один из таких дней, что было несомненной удачей, Эдвард и посетил родовой замок Лорд сидел в оранжерее среди раскидистых монстер, укутавшись в теплый плед. Перед ним на изящном столике викторианского стиля стоял стакан шотландского односолодового виски. Пить лорд давно не пил. Но он любил запах, любил смотреть, как плавают кусочки льда в стакане под действием горячей темной струи. Лорд, конечно же, не принимал бы эти запреты всерьез, но с некоторых пор он в полной мере стал ощущать дыхание смерти. Врачи диагностировали рак – опрокинь он этот стакан сейчас в себя – и дикая жгучая боль пронизывала бы все тело. Но в том, как таяли кусочки льда, было что-то жизнеутверждающее.

– Ты пришел, мой мальчик... – удовлетворенно прохрипел лорд.

Эдвард чувствовал невольный трепет при общении с дедом. Его с детства воспитывали в том духе, что это никакой не родственник, а слуга высоких государственных интересов, каким надлежит в свое время стать и ему. Идя к деду, Эдвард невольно вспоминал правила дворцового этикета. Даже вопрос о здоровье, столь естественный в этой ситуации, выглядел как часть протокола.

– Садись... – Лорд сделал повелительный жест, указывая на место рядом с ним. – Как проходит служба? Ладно, не отвечай, я знаю, что ты не удовлетворен. Молодость... Охота до подвигов и фанфар. Успеешь еще. Будут тебе фанфары. И очень скоро. Я стар. Дни мои сочтены. Я уже не могу биться, как в прежние годы. А битвы предстоят весьма серьезные.

³ В Британском ВМФ звание «подлейтенант» (*Sub-Lieutenant*) соответствует российскому лейтенанту.

⁴ 14 ноября 1941 года «Арк-Роял» затонул в 25 милях от Гибралтара, торпедированный немецкой подлодкой U-81. (Командир капитан-лейтенант Фридрих Гуттенбергер.)

– Но война окончена, дедушка?

– Не-е-ет... Война еще и не начиналась, – ухмыльнулся старик. – Что ты думаешь, этот Черчилль уgomонится? Это ничтожество мнит себя новым Кромвелем. Ну что ж, во всяком случае, пышную панихиду в духе Кромвеля ему придется обеспечить. Что смотришь? Думаешь, я брежу? – Старик снова усмехнулся. – Мы проиграли ему Эдварда⁵, влезли в войну, которой можно было бы избежать, но больше он не премьер. На Эттли можно положиться. Так что наступает время великих дел, дорогой мой. И ты нужен мне.

– Что я должен делать? – Младший Хейз не был уверен в том, что его дед сейчас находится в здравом уме и твердой памяти. Правила этикета не позволяли многого. Зато они позволяли слушать. Слушать и запоминать.

– Хороший вопрос. Вот письмо. – Старик тронул довольно толстый конверт, лежащий рядом с бокалом виски. Кусочки льда в нем уже приобрели закругленные края и стали меньше. – В этом пакете ты найдешь все, что нужно, в том числе рекомендательное письмо в нашу дипмиссию в Аргентине. Я позаботился о том, чтобы новая служба не показалась тебе скучной. Я бы хотел, чтобы ты отправился в путь немедленно. Не беспокойся за свой «Блайт». Тебе предстоит столкнуться с куда более серьезным оружием, чем эта никчемная калоша. Считай, что твой перевод уже состоялся. 1-й лорд уже в курсе⁶.

Лорд сделал жест, который должен был означать «аудиенция окончена». Непослушные белые седые волосы старика никак не хотели лежать ровно, череп казался обтянутым чужой кожей, но впалые глаза горели, предвкушая битву и богатую добычу.

Эдвард запомнил этот взгляд, казалось, этот взгляд сверлил его спину, когда он шел по мраморным ступеням, когда удалялся по анфиладам замка и сходил вниз к машине. После исчезающего Кэрролловского Чеширского кота оставалась улыбка. После Хейза старшего – взгляд.

* * *

Сильный удар, как будто над баком разорвалась глубинная бомба, сотряс корпус подлодки. Как водится, палуба немедленно заполнилась битым стеклом. Ройтер едва удержался на ногах, ухватившись за воздушную магистраль. Подводники в таких случаях ждут следующего взрыва. Глубинные бомбы идут обычно сериями. Но тут взрыв был один. Волна прошла дрожью по всему корпусу лодки, и, казалось, все кончилось. Однако через полминуты произошло нечто, чего обычно не происходит. Подлодка подскочила, как надводный корабль на гигантской волне, и камнем пошла вниз. Вахтенный переложил рули, но, увы, это ничего не дало. Ничего не дало и максимальное увеличение хода. Аварийный свет замигал и погас. В темноте были слышны команды, отдающиеся почти шепотом. В железной капсуле воцарилась мертвая тишина. Никто не знал, что может случиться дальше.

Лодка удиферентовалась сама. Глубина была неизвестна. Связь с двумя другими лодками потеряна. Оставалось только ждать. А это как раз было очень опасно делать В тишине раздавался сухой хруст, издаваемый трубкой Гейгера-Мюллера, которую главный алхимик U-2413, командир БЧ Карлевитц специально достал, понимая, что ядерной атаки не избежать. Несомненно, это был атомный заряд с базы 211. Их наказали за мятеж. Теперь Лют мог спокойно поставить два жирных креста напротив номера лодки Ройтера. После ядерной атаки невозможно выжить. Но мы все еще живы. А вот живы ли? Кто знает, как на самом деле там, на

⁵ Вероятно, имеется в виду история с отречением короля Эдуарда VIII в 1936 г. Разительно отличавшегося политическими взглядами от своего последователя Георга VI.

⁶ 1-й лорд Адмиралтейства – морской министр и фактический командующий флотом Его Величества, на момент описываемых событий таковым являлся Джордж Генри Холл (George Henry Hall, 1st Viscount Hall).

другом берегу Стикса? Может, для них ничего и не изменится, только валькирии должны прилететь. Или приплыть? Как выглядят валькирии, уносящие в Вальхаллу души подводников? Они точно не летают.

Прошло около часа. Валькирии не появлялись. Сколько раз за войну Ройтеру приходилось задаваться вопросом, не так ли должна выглядеть смерть? И всякий раз, когда его посещали подобные мысли, перед глазами разворачивалась одна и та же мизансцена. Он центральном посту, перед ним карта или перископ, за спиной – старший помощник Унтерхорст, рулевые по местам, из соседнего отсека доносятся шумы ремонта и шипение стравливаемого воздуха из поврежденных магистралей. Всегда полумрак, душный запах тавота, соляра вперемешку с запахом казармы. Удивительно непривлекательная картина, для того, чтобы составить смысл жизни, за который стоило бы цепляться. Как просто... – Просто закрыть глаза, просто отключиться и будь что будет! Не пошли бы к чертям все эти долбаные архивы, которые зачем-то погрузила на лодку несчастная обершрайбер Лутц? Лучше бы уж она была сотрудником пробирной палаты, или Рейхсбанка. Золото – это хотя бы понятно, что и как использовать, а тут штабеля каких-то ящиков, наверное, когда-то они были очень важны, это были секреты великой империи. А теперь? Империи нет и в помине, половина тех, на кого собран этот компромат, уже в ином мире. Военные тайны побежденной страны никому не интересны. Взять бы все это и вывалить за борт! Но для этого нужно хотя бы всплыть... Мысли начинали путаться. От духоты накатывала серая сонная волна. Борьба с ней было трудно. На мгновение Ройтер как будто провалился в темное ничто. Тьма, холодная липкая тьма вокруг. Пустота. Но нет, не пустота. Где-то в отдалении послышался как будто звон колокольчика. Этот звук был похож на звон «Асдика», но только куда более приятный и мелодичный. Хотя и «Асдик» сейчас покажется ангельским голосом. От него хоть понятно, чего ждать! Звон нарастал. И будто уже это не звон колокольчика, а женские голоса. Они пели. Пели на японском. Ройтер различил слова. Смутно пока, но все четче и четче. А, ну вот, собственно, и валькирии. А что удивительного? Когда экипаж проходил спецподготовку почти в течение года в Сурабайе, они в совершенстве ознакомились с японскими воинскими ритуалами. Так что не известно, кем их считает Вотан. Почему бы и не самураями? А таким ребятам, как они, посылают, не иначе, валькирий-камикадзе.

Tameiki no deru you na/anata no kuchizuke ni/ amai koi wo yume miru/ otomegokoro yo...⁷

Песня звучала все громче, и вдруг Ройтер понял, что доносится она из репродуктора, находящегося прямо у него над головой. Картинка центрального поста поплыла, на нее как будто наслоились радиопомехи, а вместо нее появился замечательный парк, яркий, в цветах, в солнечной дымке. Люди в довольно нелепых футуристических нарядах прогуливались по этому парку. Женщины в коротеньких платьях с открытыми руками и невероятными, огромными пуговицами, пояса с такими же огромными пряжками, мужчины в коротких брюках, из-под которых видны носки, как будто эти брюки малы, но что случилось, что эти брюки вдруг стали малы ВСЕМ? Это так-то выглядит Вальхалла? Нет, он точно знал, что это не Вальхалла. Это – Париж. Более того, парк Отей. Он не видел его никогда летом. Только зимой, на Рождество 40-го. Картинки были более реальны, чем линия ВВД, чем колотые плафоны освещения, чем лицо вахтенного с русско-прусской фамилией Зубофф. Музыка гремела, сладкоголосые японки пели о золотистом мареве и предлагали ласкаться голыми телами, как русалки. Он наблюдал картину немного сверху, как будто завис между землей и репродуктором. Внизу на скамейке сидел человек лет пятидесяти, он только что, опершись на изысканную трость,

⁷ Твоего поцелуя достаточно,/Чтобы заставить меня вздыхать./Сердце девичье/Сладко грезит о любви (яп.). Первый куплет песни японского дуэта Peanuts «Каникулы любви» ставшей популярной в 63-м году. Русскому читателю более известен вольный перевод Л. Дербенева «У моря, у синего моря...»

прикурил сигару и уверенным взглядом хозяина жизни осматривался вокруг. Он приветливо кивнул одной из проходящих мимо девушек, хотя вовсе не знал ее, и Ройтер знал, что этот господин ее не знает. Девушка улыбнулась в ответ, но заволновалась и прибавила шагу. Ройтер понял, что ему знаком этот человек, знакома его боль, которую тот пытается прикрыть вальяжной бравадой, но кто это, он никак не мог понять.

– Что с вами, командир? – Над ним склонилось небритое лицо командира торпедной части Карлевитца. В нос ударил запах нашатыря, губы почувствовали резину загубника дыхательного аппарата.

– Все нормально. – Ройтер отстранил руку корабельного медика.

– Вы что-то видели? – нервно спросил Леопольд Майер – когда-то в прошлой жизни он экспериментировал со сверхспособностями личного состава в рамках проектов Анненербе, и Ройтер делал определенные успехи. Майер лучше других знал, что это может быть. – Если вы видели хоть что-то – это шанс...

Ройтер кивнул.

– Да, господа! Я видел кое-что. Мы не умрем, по крайней мере некоторые из нас доберутся до берега и на старости лет будут еще баб снимать и носить дорогие часы.

Этот «сон» воодушевил команду. Все знали, что командир иногда способен видеть будущее, и если бы не это его свойство, неизвестно, дожили бы все они до этой минуты или пошли на корм рыбам еще в Гибралтаре или в Северном море, атакуя американский вспомогательный авианосец.

Наладить освещение кое-где удалось. Хуже было то, что не хотели оживать электромоторы, и чертова трубка хрустела все сильнее и чаще.

– Что, если попробовать запустить дизеля?

– Можем, командир, но у нас не хватит воздуха. Надуть-то систерны выхлопом получится, это как залитый шноркель⁸, мы уничтожим последний воздух, но что дальше? Над нами лед...

Но выбора нет. Приходится решиться на всплытие и дальше идти на дизелях... Главное – уйти из этого проклятого места.

Оставалась призрачная надежда, что лед покрошило взрывом, но зенитный перископ не давал утешительных результатов. Над ними колыхалось серо-черное мутное месиво, и никаких особых причин рассчитывать на скорое изменение обстановки не было. Лодка не покоилась на грунте. Она зависла в толще холодных вод моря Уэдла.

Где-то поблизости, если они, конечно, живы, две «девятки». И передать приказ на всплытие им никак нельзя.

* * *

По пыльному горному серпантину, повторяя подвеской все неровности, и завывая на перегазовках, неизбежных на перевале, двигалась черная «эмка». Тусклое февральское солнце Пицунды посверкивало на хромированных деталях. У ворот красивого, еще дореволюционного особняка, обнесенного высоким беленым забором, машина притормозила, ожидая необходимых формальностей, которые, впрочем, длились совсем недолго. Охрана хорошо знала этот автомобиль. Он принадлежал республиканскому уполномоченному Автандилу Гогия. В нем находились сам подполковник НКВД Гогия и капитан Степанов. Последний был в штатском, причем в изрядно потрепанном штатском.

– Сэйчас все расскажэшь Са-ма-му, – почти торжественно произнес Гогия.

⁸ Конструкция шноркеля немецких подлодок была несовершенна. Часто его захлестывали волны, и дизеля, которые, как известно, не могут работать в вакууме, начинали засасывать воздух из отсеков, а воздух слишком ценный ресурс на подлодке.

Степанов кивнул. Они громко протопали по мраморной лестнице, особенно Гогия своими щегольскими надраенными до зеркального блеска сапогами с новенькими подковками. На анфиладе и на паркете в доме лежали ковры, и звук шагов был не так слышен, как на мраморе.

В полутемном зале, зашторенном плотными бархатными портьерами и украшенном картинами, изображающими жанровые сцены из жизни советской Грузии, ликующих трудящихся, встречающих вождя, радостных виноградарей, прихлопывающих в такт народному танцу, школьников, держащих в руках глобус и модель планера, за не обильным, но со вкусом сервированным столиком сидел лысоватый человек в пенсне. Он был напряжен. Ему должны были сообщить нечто очень важное. И сейчас два человека шли по коврам в эту полутемную залу. Звук их шагов приближался.

Задание, которое получил Степанов, было несколько необычным. Ему было приказано разыскать и составить как можно более полный список родственников товарища Сталина, находящихся в Грузии. Враги, а после победы над фашизмом их стало только больше, не дремлют! И классовая борьба будет дальше только обостряться. В этой борьбе враги не погнушаются ничем и могут, скажем, захватить родственников товарища Сталина в заложники и шантажировать вождя. Так что чекисты должны предупредить потенциальных мерзавцев. Врагам так и не удалось во время войны ничего добиться от товарища Сталина, манипулируя Яковом, попавшим в плен, не удалось похищение Василия, но враги не дремлют! И прячутся еще по горам фашистские прихвостни и недобитки!

Зампред Совмина должен знать раньше Абакумова, где и какие опасности таятся для вождя. Зампред Совмина должен быть чуть проворнее своих подчиненных, чуть умнее, чуть дальновиднее. У каждого грузина количество близких исчисляется сотнями – это братья, сестры, двоюродные, троюродные, родственники жен, кунаки, соседи, друзья родственников... Но миссия Степанова выявила невероятную для уроженца Кахетии скудость родственных связей. Ни там, ни в Имерети, ни в Восточной, ни в Западной Грузии у товарища Сталина родственников нет, нет также никаких достоверных сведений о том, что он вообще когда-либо там проживал, его родителей, соседях родителей, гимназических друзьях... За исключением, пожалуй, Тер-Петросяна. Но пламенный Камо давно закончил свой земной путь и переключился в фольклор. Жизнь революционера полна легенд. Одни слагают соратники, чтобы поднять собственный боевой дух, другие возникают из полицейских протоколов и различных конспиративных «прикрытий» (без них в этом деле – никуда!), третьи рассказывает он сам, чтобы потешить тщеславие. Политики, а тем более революционеры – очень тщеславны. Наконец, наступает момент, когда агитпроповец сочиняет ему биографию заново. «Родился тогда-то в семье рабочего...» И ведь никто не напишет – «Родился в семье мелкого торговца...», или «землевладельца-арендодателя», или «сын проститутки». Обязательно «родился в семье рабочего», ну, в крайнем случае, крестьянина – и никаких других вариантов.

Это, конечно же, очень хорошо, чем меньше родственников у пламенного революционера, коммуниста, тем лучше. Тем меньше шансов воздействовать на него врагам.

Недолгий доклад Степанова произвел самое благоприятное впечатление на сидящего за столом человека в пенсне. Он встал, подошел к капитану, пожал ему руку. Пожал руку и Гогии. После того, как каблуки подполковника протопали в обратном направлении, человек в пенсне повернулся в сторону угла, который был темнее всех остальных.

– Ты слышал, Вячеслав! – с легким менгрельским акцентом сказал он в угол. В углу зашевелилась темная фигура. – Ты слышал? Я был прав! – и дальше невольно копируя вождя, только без трубки, произнес с интонацией присущей ему – Сталин нэ грузин!

Глава 3 Щит и меч Партии⁹

*Преданность негодяев так же ненадежна, как они сами.
Плиний Младший*

(Берлин. Январь 1950 г.)

На пустырь перед Обсерваторией Архенхольд тяжело вырулил потрепанный «Хорьх».

На встречу Цейссер¹⁰ шел один. Конечно, эта, доставшаяся по наследству от нацистского ведомства машина когда-то была очень хороша, но, пережив бомбежки, штурм Берлина, пару лет варварской эксплуатации в советской военной комендатуре, потеряла былой лоск, однако все еще продолжала цепляться за свою железную жизнь. 3 цилиндра из 12 не работали. Свечи в них постоянно заплывались маслом. А менять их было не на что. Русский механик выточил футорки под американскую резьбу. Где теперь возьмешь ВОСШ? Они если и производятся, то там, в Западной Германии, а это даже не за границей, это уже почти за линией фронта.

По тому, как говорил с ним по телефону неизвестный с сильно осипшим, скрипучим голосом, он, опытный коминтерновский подпольщик, понял – это не провокация. Разговор мог получиться серьезным, хотя незнакомец на некоторые вещи лишь намекнул.

Голос, правда, был очень странным. Как будто часть звуков генерировалась механически. Возможно, тот, кто говорил на том конце трубки, не хотел, чтобы его было просто опознать по голосу. Значит, кто-то из своих. А по тому, какими фактами он оперировал, Цейссер понял, что это какой-то очень старый боец. Но он так и не мог вспомнить кто.

Зима в 50-м в Берлине выдалась промозглая и ветреная. Над городом, еще не залечившим раны бомбежек, постоянно висели свинцовые тучи. У воды было совсем нестерпимо. Сырость пробирала до костей. Но неизвестный назначил встречу именно у реки, в парке Трептов-Кёпенек. Ничего другого он слышать не хотел. После того, как парк был превращен в кладбище¹¹, желающих прогуляться в нем было совсем немного. С другой стороны, это был символ новой власти. Встреча там как бы демонстрировала причастность к ней и являла пример для подражания несознательным. Кутаясь в вязанный шарф из верблюжьей шерсти – еще о России память – Цейссер, неловко скользя по обледенелому склону, спустился к реке, где на скамейке поживалась одинокая фигура в черном пальто и английском летном шлеме.

– Здравствуйте, герр Цейссер! – проскрипел незнакомец. Станный он был. Полноватый, с красным мясистым лицом, подбородок прижат к груди, как будто боится что-то выронить. Есть такая детская игра – пронести апельсин, зажав его подбородком, вот, похоже, незнакомец играл в эту игру в нежном возрасте более рьяно, чем другие его сверстники, и вывихнул шею. Никаких приспособлений, искажающих голос, Цейссер не увидел. Незнакомец обладал таким голосом от природы.

– Садитесь, и постарайтесь придвинуться поближе, мне трудно перекрикивать ветер, – попросил незнакомец.

– Как мне называть вас?

⁹ Официальный дивиз «Штази».

¹⁰ Вильгельм Цейссер (Цайссер). Министр государственной безопасности ГДР (1950–1953). Первый руководитель «Штази».

¹¹ В 1949 году было завершено строительство монумента воину-освободителю на центральной поляне парка. Здесь похоронено около 5 тыс. советских солдат.

– Это не имеет значения... Впрочем, называйте меня Штумпф. Зигмунд Штумпф.

– Вы кто?

Штумпф посмотрел исподлобья на Цейссера. Воображаемый «апельсин» он по-прежнему прижимал подбородком, поэтому любой взгляд не в пол казался взглядом исподлобья.

– Друг. – Штупф ухмыльнулся. – Ваш большой и хороший друг. Не волнуйтесь вы так, я не из МГБ, эта шайка доживает последние дни, и на Абакумова я бы вам ставить не советовал.

– О чем бы говорите?! – Еще не хватало, чтобы весь разговор превратился в дешевую провокацию русского МГБ.

– Тихо! – проскрипел Штумпф. – Я же просил вас не повышать голоса. Мне тяжело перебивать ветер и еще вас в придачу.

– Это у вас от... откуда? – Цейссер кивнул на шею Штумпфа. Теперь он понял, что странный голос и неестественная поза – следствие ранения. Какого-то очень серьезного, экзотического ранения. Осколок угодил в горло? Он воевал? Да все мы воевали, вопрос: на чьей стороне!

– Пропустил сабельный удар, от которого не выживают.

– И... кто... его нанес? – подбирая слова, растерянно спросил Цейссер.

– Штумпф усмехнулся. Нацист, штурмбаннфюрер СС, кавалер рыцарского креста... Цейссер невольно понимающе кивнул. Он сам, выходит, отсиживался у русских, а тут его соотечественники...

Штумпф неуклюже повернул голову, и за отворотом пальто Цейссер увидел советский орден Красной Звезды. Даже так... награжден Советами. Кто же он, этот странный человек?

– Но не будем обо мне, – говорил кавалер Красной Звезды. – Давайте лучше поговорим о вас. На днях вас вызовут в ЦК.

Цейссер набрал воздуха в легкие, чтобы что-то сказать, но Штумпф сделал знак, и он замолчал. Странно, но скупые и скромные движения этого калеки заставляли Цейссера следовать его воле.

– Вас вызовут в ЦК, – повторил Штумпф. – Вам предложат очень престижную и по-настоящему важную работу. Не отказывайтесь, пожалуйста. Если сделаете все, как я говорю – вас ждут ордена, почет и обеспеченная старость. Вы можете стать одним из самых влиятельных людей в Европе¹².

– Вы шутите, – убежденно произнес Цейссер. Его предыдущий пост министра внутренних дел Саксонии, это, конечно, солидно, но все-таки для всей Европы маловато.

– Вовсе нет. Сейчас время такое – не до шуток. Пора брать реванш.

– Какой реванш? О чем вы говорите!

– Вы – немец? – хитро прищурился Штумпф.

– Я – коммунист!

– Ох! – выдохнул Штумпф, как будто имел дело с непроходимым дебилом. – Я же говорю вам – правильно делайте ставки. Абакумов – живой мертвец, Сталин – миф! Скоро в России к власти придут совсем другие люди, и нужно суметь быть им полезным.

– Я сейчас позову фольксполиция! – выдохнул Цейссер и попытался встать.

– Сидеть! – властно зашипел Штумпф, и Цейссер почувствовал, как ему в бок упирается ствол пистолета. Видимо, восьмой «Люгер». В чем в чем, а в оружии Цейссер разбирался.

– Не делайте глупостей, пожалуйста! Слушайте меня, просто слушайте! Мне не нужно на вас никакого компромата. Достаточно того, что мы – он сделал ударение на слове «мы» – знаем о ваших художествах в Рурской области, как вы отстреливали французов в компании с нациками. Молчите! – укоризненно прошипел Штумпф, пресекая очередную попытку Цейс-

¹² В 1953 году Цейссер был действительно награжден орденом Карла Маркса, остальные пророчества Штумпфа не сбылись. В 54-м Цейссер был исключен из СЕПГ и снят со всех ответственных постов за «антипартийную деятельность».

сера вставить какую-то фразу, и продолжил: – Как в Палестине вы запутались и вынуждены были обратиться к британскому офицеру за помощью, назовем это так... И этот офицер жив.

– Так вы британец! – с облегчением вздохнул Цейссер.

– Нет, я судетский немец. И моя жизнь, каждая капля моей пролитой крови – это кровь за новую Европу! Это вы, красные, пытаетесь усидеть на двух стульях – русском и американском! Или думаете, что Вильгельм Цейссер чист перед *всеми* своими хозяевами? Очень ошибаетесь. Французские трупы вам дорого обойдутся, и русские не вступятся за вас¹³. Сейчас самое время об этом вспомнить. Вы что, не понимаете, какая борьба сейчас разворачивается в России? В зависимости от результатов этой борьбы, возможно, и результаты войны будут пересмотрены. В конце концов, Ялтинская система не может быть вечной.

Цейссер был далеко не новичок в оперативной работе. Половину жизни, если не больше, он провел на нелегальном положении, а этот человек без шеи знает о нем, получается, едва ли не больше его самого. Многие события, казавшиеся ему с вершины более чем полувекового жизненного пути малозначимыми, давно похороненными в хаосе времени, вдруг явственно встали перед мысленным взором и образовали стройную конструкцию. Это была клетка. Просторная, добротная, даже, может быть, красивая, но клетка. Штумпф как будто переключил рубильник и оставил волю Цейссера без тока. Аккумуляторы еще позволяли держать тусклую «аварийку», но работать эта машина уже не могла. Шипящий голос Штумпфа вывел его из оцепенения.

– Вы возглавите Министерство государственной безопасности. Делайте все, что прикажет Ульбрихт. Мы вам поможем. В советском МГБ есть наши люди. В свое время они выйдут на вас. Мы с вами пока что будем видеться редко, но это не значит, что можно попробовать меня обнести. Не выйдет. Работайте нормально, как положено коммунисту. Больше слов, меньше дела, больше пафоса – меньше конкретики. Ульбрихт любит фанфары. Скоро вам представят список людей, которых вы возьмете в свой аппарат. Уверяю вас, это не пустышки, а очень опытные и умные профессионалы. Где у вас кадры, дорогой мой Вильгельм? Русские? Не смешите меня. Они уйдут рано или поздно, и тогда Германия снова станет Германией. Самое страшное уже позади. Мы оттолкнулись от дна...

Цейссера раздражал этот шипучий голос, он сводил с ума. Его, мэтра подпольной работы, матерого провокатора, и так тупо окручивает какой-то хрен без шеи!.. Во время войны Цейссер работал с немецкими пленными, а ведь среди них тоже были люди разные, были и юные фанатики, вечно благодарные Гитлеру за обретение национального достоинства, Гитлерюгенд, и утонченные дворяне, военные не в одном поколении, считавшие, что долг – это их второе я, и всех их Цейссеру удавалось ломать. И вот, так по-глупому, на скамейке на полуобледеневшем берегу Шпрее, с упертым в бок «Люгером», его самого завербовали, как какого-то щенка-недоноска. Впрочем, тот же опытный ум нелегала успокаивал: вербовка это не конец, скорее наоборот, это – начало. Начало новой игры, и кто в ней еще победит – посмотрим. Он бил морды этим наци в 20-е, валил их, глядя через перекрестье прицела в Испании, не боялся в 40-е, когда они были сильны и их господство, казалось, не прекратится никогда. Он не сложит оружия и сейчас, когда надежно обезглавленная гидра ожила и обвивает его заново отросшими змеиными шеями, рвет его мясо, душит удавьиными кольцами.

Так думал Цейссер, оказавшись снова в кабине своего «Хорьха». Незнакомец же остался сидеть на скамейке. Он еще и еще раз мысленно возвращался к разговору, потому что губы его шевелились, а лицо отражало эмоции. Чаще насмешку.

¹³ Вероятно, идет речь о терактах в отношении французских военнослужащих в Рейнской области в 20-е годы. Их совершали как нацисты, так и радикальные левые. Вообще в 20-е различия между «красными» и «коричневыми» были вовсе не такими уж и антагонистическими и на уровне тактики ими вполне преодолевались.

– Ульбрихт, Ульбрихт... шептали едва слышно губы – м-да... Ульбрихт... по-русски слышится что-то вроде «ублюдок брюхатый»

Штумпф, ко всему прочему, оказывается, еще неплохо владел русским.

* * *

Примерно в это же время в палате комплекса клиник «Шарите», выходящей окнами на улицу Инвалидов, случилось знаменательное событие. Пациент, пролежавший 6 лет и 8 месяцев в коме, открыл глаза. Парень-подводник, кавалер железного креста 1-й степени, поступивший в мае 43-го с простреленным позвоночником, в своей жизни до ранения был, несомненно, человеком уникального здоровья и физических возможностей, каких сейчас уже давно нет среди городских жителей. Если бы это было не так, его бы жизнь закончилась еще тогда, в 43-м. Но богам было угодно пошутить. Отправляясь в свой летаргический сон на пике могущества империи, парень и не подозревал, что «проспал» падение Берлина, смерть двух вождей, арест третьего¹⁴ и наступление новой атомной эры. Не мог он участвовать и в событиях лета 45-го года, когда его монеткой закатившаяся за плинтус между двумя мирами жизнь снова повисла на волоске, и только мужество доктора Рихарда фон Штубе, буквально загородившего своего уникального пациента собственной грудью от пистолета русского капитана, оставило его топтаться в прихожей Вальхаллы еще на несколько лет. Капитан тогда не выстрелил, сплюнул, выругался и ушел. В общем-то своя логика в действиях русского капитана тоже была. Шансов выжить у подводника не было, а койка и дорогая аппаратура были нужны для тех, кого можно было спасти. Фон Штубе просидел у кровати больного еще 4 суток, готовый ко всему, пока, наконец, главный врач клиники не попал на прием к самому Берзарину. Наука, тем более такая тонкая, как исследования мозговой деятельности, а тут фон Штубе не было равных во всей Европе, нужна была ведь и оккупантам тоже. У них своих, таких же, как этот парень, было полно. И Штубе лечил всех. Но поставил жесткое условие – пациента не трогать. Возможно, с его помощью будет сделано уникальное открытие, позволяющее вытаскивать из лап смерти хороших молодых ребят, которым еще жить да жить. Штубе не тронули тогда, хотя несколько раз грозили расстрелом, и, кстати, основания имелись. Он ведь был не просто член партии, он был орстгруппенляйтер¹⁵. Но обошлось. Доктор был нужен. Доктор на войне вообще личность популярная, а война все никак не хотела заканчиваться. Казалось, что вот-вот пламя ее разгорится с новой силой. От союзнических отношений не осталось и следа. Те, кто еще совсем недавно готовы были рисковать жизнью друг за друга, теперь посматривали на бывших соратников с недоверием и через колючую проволоку. Стрельба могла начаться в любую минуту, от косога взгляда, поднятого среднего пальца или неловко выброшенного окурка.

Но пациент открыл глаза, и доктор был счастлив. Он победил. Смерть отступила. Сослуживцы устроили по случаю выздоровления пациента банкет. Был спирт, были шпиг и шоколад. До выздоровления, впрочем, было еще далеко, но главное – пациент жив. Не «непонятно, жив или нет», а ЖИВ!

¹⁴ Формально Карл Дёниц находился на посту Рейхспрезидента всего 20 дней и был третьим фюрером Рейха. Вторым был Йозеф Геббельс, но был он им меньше суток.

¹⁵ Руководитель местной ячейки НСДАП (около 3000 членов). Орстгруппенляйтеры в свою очередь подчинялись крайслейтерам, (до 40 000 членов) – несколько крайслейтеров составляли «гау» – самое подходящее, с чем можно сравнить из советской реальности, – обком.

Глава 4

Болгарский атташе

Жалок тот, у кого мало желаний и много страхов, а ведь такова участь монархов.

Фрэнсис Бэкон

(Пицунда. Март 1947 г.)

Март в Пицунде – это далеко не то же самое, что март в Инсбруке. Это практически уже апрель, а при благоприятном стечении обстоятельств – так и май. Молодая зелень заполняет склоны гор, и только на вершинах после ночи остается белый слой инея. Но и он к полудню исчезает. Если вы купались на Балтике, то здесь вы можете купаться хоть круглый год, хоть на Рождество, вода здесь никогда не будет + 7. Вода здесь всегда остается +15 и выше. По местной легенде этот край Создатель приберег для себя, но вынужден был уступить его жителям этих мест, опоздавшем к раздаче. Причина, по которой это случилось, была в фантастическом гостеприимстве этого народа. Хозяин не мог оставить гостя одного, потому и опоздал на пир к Создателю. Но гостя, который сейчас стоял на балконе и щурился на солнце через пенсне, местный народ ненавидел. Прежде чем стать вторым человеком в большой стране, Лаврентий Берия должен был стать первым в маленькой. И стал. Абхазия была залита кровью сторонников Нестора Лакобы – регионального лидера, которого абхазы боготворили. Берия знал это. Но именно поэтому он оборудовал свою резиденцию здесь, в Пицунде, чтобы лично контролировать, не готова ли Абхазия взорваться. Войсками НКВД командовал Абакумов, но у Берии были собственные войска, подчиненные лично ему, есть еще части, задействованные в урановом проекте, есть, наконец, немецкая атомная бомба и доверие лично Сталина, переживавшего далеко не самые лучшие времена. Здоровье вождя пошатнулось еще в прошлом году, когда он впервые серьезно слег. 3 месяца всеми делами руководил Поскребышев. Поскребышев – это ничего, это, по крайней мере, умный мужик, способный анализировать. Он не станет защищать Сталина вопреки здравому смыслу, как это сделают Власик и Абакумов. Вот это настоящие шакалы в охвостье тигра. Без Сталина они – нули, ничтожества, но именно поэтому они будут биться за него насмерть. Что можно ждать от Жукова? Он ненавидит хозяина, это факт, но амбициозен и захочет стать новым Наполеоном. Армия против МГБ? Мускулы против мозга... Маленков, Молотов, Каганович – наши. Хрущев – и нашим и вашим, проститутка. Нужны силы против Жукова и Абакумова. Он бы даже не возражал против амнистии всем «власовцам», лишь бы они выступили на стороне заговорщиков организованной силой. Судоплатов со своим отделом «Ф» роет землю, но очень уж тонкая у них работа, чтобы торопить и додавливать. Нужны немецкие летающие тарелки, нужны их индийские диковины. Архив Анненербе, вывезенный почти полностью в Москву, так и остался лежать мертвым грузом. Не хватало ключевых блоков, придающих смысл всей этой груде бумаг. А их-то немцы успели эвакуировать. Знали ведь что вывозить! Это же может быть и совсем небольшой чемоданчик с кодами, папка, лист бумаги, наконец. Но без него эти тонны макулатуры – ничто. Берия чувствовал себя обманутым. Эсэсовцы обошли его. Он, казалось, выхватил из-под носа у англоамериканцев «джэпкот», а воспользоваться им не может. Получается, все секреты оккультных знаний ему просто аккуратно передали на хранение. Гениально! Он их не уничтожит, но и воспользоваться ими он тоже не сможет. Ладно, не беда. Уберем этого старого павиана, привлечем специалистов, может, даже немцев – они разберутся.

Сейчас становилось окончательно ясно, что победа в войне не полная, что плодами ее, столь явными и очевидными поначалу, воспользоваться все труднее и труднее. Ситуация в Европе конца 40-х годов все более напоминает битву при Бородине. Одержана убедительная формальная победа, захвачена столица врага, обозы ломятся от трофеев, но удержать эту победу невозможно, и вот одна подвода уходит под лед Семлевского озера¹⁶, другая валится с настила переправы на Березине, третья... По сути, единственное, что можно считать серьезной военной добычей – это немецкий станочный парк и технологии, логично вытекающие из его использования. Но станки по большому счету это куча побитого железа не первой свежести, и через года 2–3 он и вовсе морально устареет... При этом потери зашкаливают, а еще надо удерживать огромные пространства, это снова потери. Война – это убитые, раненые, пленные с обеих сторон! И нанесение максимальных потерь в битве – форма победы. Он готов отступить, чтобы сохранить армию. Бессмысленно держать плацдарм в Германии, далеко, неудобно и за спиной – выжженная земля. Ну, точно как у Наполеона в 1812 году! Но Сталин и слышать об этом не хочет! Он – победитель теперь! Он же мнит себя Петром Великим и Иваном Грозным в одном лице, особенно после победы над Японией. Как же! Дайте дитяти потешиться!

Этих слов никто не слышал, это были мысли, а не слова. Так что капитан-лейтенант, появившийся на балконе, не мог ничего подобного слышать. Как и положено, по форме он, нижестоящий, докладывал вышестоящему о прибытии и о готовности выполнить любое задание Партии.

– Скажите, Леонид, – прервал его Берия – Вы ведь преданы делу партии, не так ли?

– Безусловно, Лаврентий Павлович, вся моя жизнь без остатка будет отдана великому делу Ленина – Сталина!

Берия улыбнулся.

– Леонид, я вам сейчас задам один вопрос, пусть он не покажется вам странным.

– Да, Лаврентий Павлович!

– Вот вы говорите Ленина – Сталина, все верно, но ведь Ленин – это одно, – он сделал жест рукой в одну сторону – а Сталин – это другое. Так за кого вы, за Лэнина или за Сталина?

– Сталин – это Ленин сегодня!

– Безусловно, Леонид, безусловно... Но вот товарищ Ленин, он создал нашу Партию, он умер, его сердце покоится на Красной площади в мавзолее, товарищ Сталин, дай бог ему жить еще сто лет, но ведь и он тоже... Ну мы же с вами чекисты... Представим себе, чисто умозрительно, что враги убили товарища Сталина... Это огромная потеря, и мы, конечно же, должны выяснить, как такое могли наши товарищи допустить, но мы же не можем позволить предаться скорби и прервать нашу борьбу. Вы чье дело будете продолжать?

– Дело партии Ленина – Сталина... – как-то растерянно произнес капитан-лейтенант.

– Вот! Леонид, спасибо вам большое, я именно это хотел от вас услышать! Партия – вот главное! Партия – не вожди. Вожди приходят и уходят, а Партия будет жить вечно, ибо вечно стремление человечества к добру и справедливости! Извините, что я отнял у вас время, но мне хотелось посмотреть на вас. Все-таки вы отбываете с более чем ответственной миссией.

– Да, товарищ Судоплатов меня очень подробно проинструктировал.

– Это хорошо, Леонид. – Моряк боковым зрением заметил официанта, который держал поднос, покрытый элегантно-небрежно брошенной белоснежной салфеткой, на которой пенились два запотевших бокала шампанского. – Леонид... У вас имя, как у спартанского царя... Ха-ха-ха..

– Да, товарищ Берия...

– Он был сильным и мужественным человеком. Выпьем за силу духа, за мужество, за смекалку – они вам очень понадобятся. Вы же русский человек!

¹⁶ Озеро в Смоленской области, где по легенде покоятся трофеи Наполеона, взятые им в Москве.

– Советский...

– А-а-х! – по-кавказски выдохнул Берия, это можно перевести как «не болтай чепухи!». – Что такое са-а-вэцкый без русского! Там, куда вы отправляетесь, нет почти ничего са-авэцкого, а вот о том, что вы – русский, забывать нельзя. Удачи вам!

Они чокнулись.

– Слава России! – почти выкрикнул Берия.

Леонид кивнул и поднял бокал. Он не сообразил, что это не тост, а приветствие, а возбуждение списал на кавказский темперамент визави. Берия улыбнулся его смущению.

– Да, – продолжал рассуждать Берия, – русский народ, я сейчас говорю о триэном русском народе, великороссах, малороссах и белорусах – это народ-труженик, это народ-победитель! Это знаменосцы европейской цивилизации. Русский рабочий и крестьянин показали другим народам путь в коммунизм, впервые воплотили великую мечту.

Берии нравилось говорить лозунги и наблюдать, какой отклик они вызывают, а может, он репетировал речь, рассчитывая ее произнести перед более взыскательной аудиторией, чем этот молодой человек, но вот только молодой ли? Все-таки война за плечами – год за три – не шутка.

– Леонид! – окликнул он моряка, когда тот уже шел по двору в направлении красивых кованых ворот – подарок делегации рабочих г. Николаева.

– Значит, все-таки дело Партии!

И салютовал в сторону своего гостя новым бокалом с шампанским.

Через 3 часа из порта Сухуми вышел теплоход «Советская Грузия» и взял курс на Варну. В каюте 1-го класса расположился новый болгарский торговый атташе в Аргентине Георгий Иванов. В Варне его встретили болгарские товарищи, которые вручили ему билет до Вены и необходимые документы. В Вене Иванов пересел на поезд до Генуи через Милан, где, наконец, ступил на борт судна, совершавшего регулярный рейс в Буэнос-Айрес. Судно принадлежало британскому судовладельцу. Настоящее же имя «болгарина» было Леонид Марченко.

* * *

Когда на горизонте сигнальщик заметил длинную черную гряду рифов, протянувшихся тонкой ниткой в серо-белой пене, все, кто в этот момент находился на мостике, радостно закричали. Это спасение! Спасение с корабля мертвецов. Как можно скорее бросить этот смертоносный кусок железа, затопить, похоронить в морских волнах и забыть об этом кошмаре. В последние дни подлодка все больше походила на «корабль дураков» Иеронима Босха. Вся команда (все без исключения, даже больные и трезвенники) по наущению Карлевитца должна была выпивать в сутки не менее полулитра сначала вина, а потом, когда оно закончилось, – самогона, на который они с русским вахмистром извели почти весь наличный запас сахара и дрожжей. Он утверждал, что это единственный способ остаться в живых. Надо сказать, что на вахте этот алкоголь, почти что насильно вливаемый в глотки команды командиром БЧ, не чувствовался вообще. На холодном мокром ветру вонючая жижа, отдающая машинным маслом, даже не согревала, не говоря о том, чтобы вызвать опьянение. Но хитрый еврей, наверное, знал, что делает.

Нашлась одна из «девяток». Ей удалось уйти под лед, как и рассчитывал Ройтер. Связь с ней была восстановлена, вторая – пропала. Никто не знал, где она. Карлевитц настоял на том, чтобы и там устроили такую же вакханалию. Это уже черт знает что такое. Просто пиратство какое-то. Пьяная в дребадан команда на обоих военных кораблях...

Эвакуацию осуществляли очень тщательно. Карлевитц запретил брать с собой даже оружие, если его трубка хрустела более обычного. Все – затопить. Но затопить *правильно*, организовано. Это не уничтожение, а консервация. Через несколько лет мы сюда вернемся. Архив в герметичных ящиках в отсеках – ему ничего не угрожает. Золото не корродирует. Главное –

затопить так, чтобы потом можно было найти нам и невозможно – кому-то еще. Мы живы, а значит, мы все еще боевая единица империи.

По пояс в ледяной воде Ройтер с главным механиком последний раз проходились по отсекам. Все клапана на «откр». Аккумуляторы уже начали выделять хлор. Восстановить их будет труднее всего. Подлодка U-2413, чудо немецкой инженерной мысли, погружалась с дифферентом на корму в серо-зеленую глубину. То, что не смогли сделать бомбы и мины англичан и американцев, делали они сами, собственными руками. Долгие годы войны эта стальная машина была их главным оружием. От того, как хорошо они умели ей управлять зависела жизнь и победа. Теперь они безоружны. Но, как говорил мастер Накамура, «Самурай без меча – подобен самураю с мечом...» Только без меча...

Подводники добрались до неприветливой каменистой суши со скудной растительностью. Разожгли костры. Ройтер, выйдя на галечный берег, в последний раз кинул взгляд назад. Там в полутора кабельтовых поднимался нос их субмарины. Вода бурлила вокруг. Нос, похожий на морду кашалота, покачивался в такт прибою. Скоро он совсем скрылся в пенных бурунах накатывающих волн. Ройтер кое-как доковылял до одного из костров отжаться и переодеться в сухое, все, что еще не «хрустит» или хотя бы «хрустит» немного. После назначения караула он провалился в полубредовый сон с непонятными сновидениями, не оставляющими никакой памяти о себе после пробуждения. Утро принесло новые проблемы. Он не смог подняться на ноги. Левая нога не просто не слушалась, при попытке ее согнуть тело прошивала нестерпимая боль. Она была такой силы, что выворачивала внутренности. Вот, оказывается, почему в пыточных камерах заблеваны полы... Смена положения, попытки перевернуться ничего не давали. Боль отдавалась в паху, била в поясницу, выкручивала конечность из сустава. Что еще за херь такая! Она немного отступала, лишь когда он сгибал ногу в колене.

– Хреново дело... Нервы воспалены, – почесал затылок Карлевитц после осмотра. – Помните, вы работали с системой? Вы еще жаловались, что болит нога?

– Да... Было дело, но это как-то быстро прошло... Да и потом Майер вроде больше за голову беспокоился, а не за ноги.

– Ну правильно, меридиан-то один... – вздохнул Карлевитц.

– Че? Какой еще меридиан?

– В акупунктуре есть такое понятие. Через все проходят энергии. Вы тогда громили эскадру Бэрда этой самой как раз энергией. Вот результат – можно сказать, «заземление» было плохое. Вчера вы провели много времени по пояс в ледяной воде, это сыграло роль своего рода «спускового крючка».

– И что теперь?

– Нужны лекарства, которых у меня нет. Рекомендации: тепло, покой, минимум волнений... ну как раз самое то, в чем мы сейчас по уши.

– Тем не менее лагерь здесь разбивать нельзя, надо идти в глубь материка. Здесь мы можем оставить только наблюдательный пост с рацией.

* * *

Начальник отдела «Ф» генерал Судоплатов привел в московский ресторан «Арагви» довольно необычного гостя. Гость генерала был явно иностранцем. Он плохо говорил по-русски, а потому беседу вели на французском, который, впрочем, тоже не являлся для иностранца родным. Говорить по-немецки в людном месте, где полно военных, означало привлекать ненужное внимание. Немецкий на долгие годы стал языком войны, языком врага. Звучащая немецкая речь заставляла сжиматься, настораживаться, проверять, в порядке ли оружие... К тому же многие из военных, партийных и хозяйственных функционеров, которых в это время в «Арагви» большинство, немецкий, как правило, хорошо знают. Совершенно не нужно было,

чтобы до них доносились обрывки фраз. Генерал с гостем заказали бутылку «Киндзмараули», два шашлыка по-карски, гурийскую капусту, фрукты. Гость вел себя сдержанно, но с достоинством. Если бы не конвой в виде двух лейтенантов госбезопасности, которые, попивая минеральную воду и сок, всеми силами изображали беззаботность праздных гуляк, никто, даже очень подготовленный наблюдатель, не мог предположить, что иностранец – арестованный. Вернее, пленный. Им был Густав Кольбе, крупнейший специалист по расовым вопросам, имевший в свое время почетный чин группенфюрера СС.

– Я вас специально вызвал с дачи, чтобы вы могли немного развеяться, – говорил Судоплатов. – Хочу предложить вам немного поработать.

– Поработать?

– По специальности. Нам нужна ваша консультация расолога.

– Очень интересно, – усмехнулся Кольбе. – Большевики же отрицают расу. Для большевика главное – класс.

– Простите, герр Кольбе, я не думаю, что здесь место и время для теоретических споров. Большевики – не догматики. Нам, представителям рабочих партий, – он сделал ударение на «рабочих партий», как будто он тут был не один большевик, – время от времени следует проверять существующие авторитеты, не так ли? Тем более что вопрос у нас к вам сугубо практический.

Кольбе дал понять, что внимательно слушает.

– Вы, насколько я знаю, специализировались на кавказских расовых типах в свое время?

– Да, это так. Я дважды посещал Кавказ. Один раз еще в 28-м году с этнографической экспедицией, другой... ну, другой вы знаете.

– Скажите, насколько точно вы можете определить по фотографии относится ли тот или иной человек к кавказским типам, а какой внешне похож, но не относится. Ну, там... индус, или араб, или еврей. – Слово «еврей» генерал подчеркнул особо.

– Все зависит от качества фотографии. Желательно, чтобы это были единообразные снимки, например полицейские досье. Там есть метрические данные, и их можно сопоставить. Все зависит от того, какая задача стоит. Вы хотите определить по фотографии, к какому кавказскому типу относится тот или иной человек? Это довольно затруднительно – нужны данные краниометрии. Причем точные данные. На Кавказе, знаете ли, все очень необычно. Там есть такие реликты, обладающие сходными чертами, например, в рамках одного аула, и все.

– Ну а если задача определить, относится ли изображенный человек к кавказскому типу или нет?

– Это я могу сделать со 100 %-ной достоверностью, – уверенно произнес Кольбе.

– Посмотрите, пожалуйста, внимательно, кто на этих фотографиях не кавказец.

Кольбе взял пачку фотокарточек... Было впечатление, что он испытывает удовольствие, разглядывая снимки, как будто смакует хорошее вино. Но это можно было понять – впервые за последние четыре года он занимался любимым делом, а для ученого, все-таки Кольбе был ученым, а не партийным функционером, это многое значит. Он тратил на каждое фото не меньше полминуты и тут же раскладывал их в несколько стопок на столе.

– Мингрел, кахетинец, терский казак, этот нет, этот приезжий, понтийский грек, немец, кстати, – он повернул фото лицом в сторону генерала, чтобы тому было видно.

– Как вы различаете? – удивился Судоплатов. – По мне так казак и казак..

– Этот из Небуга, – улыбнулся Кольбе, произнеся название этого топонима, сделав ударение на втором слове. – На Кавказе вообще много немцев. Это еще восходит к эпохе Екатерины Великой. Тогда давали поместья служилым людям. Многие из них были немцы. И, что интересно, не ассимилировались. Я вообще считаю, что ассимиляция – это миф. Кровь арийцев и неарийцев не смешивается. Это как вода и масло... По этому вопросу у нас были разногласия с Розенбергом.

– Которые едва вам не стоили карьеры?

– Да... Вовремя попал в плен... – Кольбе засмеялся.

– А это что вы отложили? – удивился Судоплатов.

– А... это... это я не могу идентифицировать. Слишком много ретуши – практически это не фото, а рисунок. Насколько он соответствует оригиналу – не могу судить.

Генерал взял несколько карточек со стола, медленно одну за другой просмотрел, пере-
кладывая верхнюю вниз, потом еще вниз и так до бесконечности. Их было пять. На всех был
изображен Сталин.

Глава 5

Потерянный ключ

Если хотите сохранить тайну от врага, не рассказывайте ее другу.
Бенджамин Франклин

(Патагония. 1947)

Боевое соединение под началом Ройтера насчитывало больше 150 человек. Это тянуло на фрегат. Так что штурмбаннфюрер теперь мог числиться снова по морской табели о рангах, и даже с повышением – фрегаттенкапитаном. Они оказались на чужом материке, подобно переселенцам два столетия назад, которые по разным причинам искали лучшей доли в новых землях. Пути назад не было. Путь вперед – путь в неизвестность. Ройтер мало знал об Аргентине. Зато здесь бывал Унтерхорст. Он рассказал, что эта страна в общем-то вполне пригодная для приличной жизни, примерно раз в десятилетие подвергается в чудовищный хаос, рушатся банки и состояния, народ высыпает на улицы, правительство выпихивают пинками из теплых кресел, но потом как-то все устаканивается, люди возвращаются к своим занятиям, добыче серебра, сельскому хозяйству, музыке и обслуживанию иностранных туристов. Сейчас кризис был в самом разгаре. Пришедший в прошлом году на волне этой самой очередной революции Хуан Доминго Перон объявил курс на реформы, чем-то отдаленно напоминая немецкий «четырёхлетний план» 1936 года. Но все это происходило в 3-х тысячах километров к северу, где бурлили большие города. Южная Патагония была далека от всех этих проблем просто потому, что это была практически безлюдная местность. А гуанако и кондоры в революциях не участвуют.

Наблюдательный пост замаскировали на берегу, снабдив его припасами на два месяца, а основными силами решено было продвигаться в глубь материка. У Ройтера не было особых иллюзий относительно встречи с представителями правопорядка что Аргентины, что Чили. У подводников нет ни документов, которые могли бы устроить местные власти, ни объяснения, что делает здесь вооруженное подразделение Атлантиды, страны, когда-то бывшей великой и переставшей существовать. Не были они и гражданами Новой Швабии, вообще не понятного ни одному дипломату образования: шиллеровская разбойничья вольница под командованием официально умершего и похороненного с почестями командора¹⁷.

Тем не менее к людям выходить было нужно. Еды было в обрез, да и понять что дальше делать и против кого воевать, тоже не мешало бы.

Днем они передвигались по слегка холмистой, поросшей ковылем в рост человека пампе¹⁸, ночью разбивали лагерь. С огнем приходилось обращаться очень осторожно, чтобы случайно не запалить пампу. Лето здесь засушливое, и все это пространство может мгновенно превратиться в обугленную пустыню, где уже никак не укроешься от пули чилийских пограничников, которых степной пожар, разумеется, привлечет.

¹⁷ Последнее официальное воинское звание Вольфганга Люта – капитан цур зее, что соответствовало капитану 1-го ранга. «Капитан цур зее», стоящий на адмиральской должности именовался «Командор».

¹⁸ Пампа – травянистая степь Южной Америки. Плодородные красновато-черные почвы, формирующиеся на вулканических породах. Она состоит из южноамериканских видов тех родов злаков, которые широко распространены в Европе, в степях умеренного пояса (ковыля, бородача, овсяницы).

Юг Патагонии – местность суровая, но не лишенная своей привлекательности. С десятков лет назад экономическая конъюнктура складывалась так, что здесь стало выгодно разводить овец, но цена на шерсть упала, многие фермеры разорились и покинули эти места. Если бы удалось найти заброшенное ранчо – его можно было бы использовать как базу.

Сначала Ройтер пытался идти, как и все, в пешем строю, но это геройство было излишним и малоэффективным. После каждых 20–30 шагов ему требовался отдых. После первых 10 шагов начинали искать камень или холмик, на который можно было бы присесть. Ройтер старался находить такие реперные точки подальше, но после 20-го шага каждый следующий требовал таких усилий, что пот катился градом, наконец ему приходилось признавать, что этот поединок с собственным телом он проигрывает, и требовать тайм-аута. В результате командира по очереди несли на самодельных носилках.

Филипп Унтерхорст – морской навигатор от бога, прихвативший с лодки секстант, – прокладывал путь по солнцу и звездам, попутно создавая подробную карту. Карта побережья быстро кончилась. Приходилось пользоваться атласом, чтобы выстроить путь на Рио-Гальегос. Все-таки какой-никакой – город.

Вечером у костра моряки пытались анализировать ситуацию и говорить о будущем. Оно было более чем туманно. Ни одна страна мира не предоставила бы им политическое убежище. Добро бы они еще были бы просто обычными нацистами. Боливия, Аргентина, Перу и еще пара совсем микроскопических государств имели широкую сеть резидентуры гестапо, через них поддерживалась связь с Базой 211, они могли бы помочь, но люди Ройтера себя противопоставили и Базе. Любая попытка выйти сейчас на официальных наци была равносильна тому, чтобы раздражить медведя гризли. Итак, официальный путь, даже через неофициальные каналы, не годился. Можно было предложить свои услуги Аргентине. Перон, хотя и объявил войну Рейху, никаких боевых действий не вел, антинемецких чисток не устраивал и, судя по его заявлениям, с большой симпатией относился к германскому режиму. Но и тут мы попадаем в дурацкую ситуацию – он симпатизирует-то официалам, а мы вроде как им враги... Теоретически могли быть полезными контакты с русскими. Ведь Рёстлер тогда с ними как-то договорился, Рёстлер мертв, и русские еще не знают, что его убил именно Ройтер... Может, действительно предложить СССР оружие против Британии и США? Это уравнивает шансы. Тогда потребуются контакты в русском посольстве, а оно в Буэнос-Айресе – 3000 км. Туда еще надо как-то попасть и убедить сотрудников, что мы не провокаторы.

Они сейчас представляют собой практически готовую флотилию со штабом, техническими специалистами, среди которых есть, например, Майер и компания, специалисты по новейшим вооружениям, за которые еще несколько месяцев назад бились разведки половины мира. Архивы и технологии – то, чем можно торговать. Но кто сейчас бросит вызов триумфатору? Британия победила в войне. Ждать, пока они сцепятся с русскими? Или с американцами? Америка мощнее России, Россия обескровлена войной, и это не компенсирует даже блестящая победа над Японией и захват половины Китая. В Америке есть Техас и Висконсин. Там – половина населения – этнические немцы¹⁹, может, прорваться к ним и осесть среди своих, как порядочные бюргеры? Стать просто безымянными тенями – найти подруг – голубоглазых блондинок и забыть обо всех ужасах войны? Но и Милуоки далеко.

Кстати, у нас тут теперь нет ни одного еврея – Карлевитц и тот почетный ариец... Но что-то сомнительно, что этот «почетный ариец» долго проживет на американской земле или земле Палестины, которую его соплеменники выбрали для построения нового государства евреев. Скорее всего его кончат еще раньше, чем доведут до ближайшей стенки. Какая глупая и злая судьба еврея в XX веке! Первую половину жизни был изгоем, потому что еврей, а после декабря 44-го – за четыре месяца до конца арийцем – и теперь он снова изгой...

¹⁹ В штате Висконсин этнические немцы составляют 43 % населения.

РЕЧЬ ТРУМЭНА НА ЗАСЕДАНИИ КОНГРЕССА 12 марта 1947 г.

«...Чтобы гарантировать мирное развитие народов, свободных от принуждения, Соединенные Штаты приняли участие в создании Организации Объединенных Наций. Организация Объединенных Наций была создана с целью обеспечения свободы и независимости всех ее членов. Мы должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных поползновений со стороны тоталитарных режимов, подрывающих мир во всем мире путем прямой или косвенной агрессии, и, следовательно, и безопасность Соединенных Штатов.

Народам многих стран мира недавно навязали тоталитарные режимы против их желания. Правительство Соединенных Штатов делало частые протесты против политики принуждения и запугивания, в нарушении Ялтинского соглашения, в Польше, Румынии, и Болгарии. Я должен также заявить, что во многих других странах были подобные события.

В настоящий момент почти каждая нация в мире должна выбрать между альтернативными образами жизни. Выбор слишком часто далеко не свободный. Один образ жизни основан на воле большинства и отличается свободными демократическими учреждениями, свободными выборами, гарантиями свободы личности, свободы слова и религии и свободы от политического притеснения. Второй образ жизни основан на желании меньшинства, насильственно наложенного на большинство. Он отличается террором и притеснением, управляемой прессой и подавлением личных свобод.

Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению. Я полагаю, что мы должны помочь в освобождении народов, чтобы они сами могли решать свою собственную судьбу. Я полагаю, что наша помощь должна быть прежде всего экономической и финансовой, которая приведет к экономической стабильности и таким образом окажет свое влияние на политические процессы. Мир не стоит на месте, и статус-кво не нерушим...»

* * *

«14.03.47 г. в 12:30 объект «Гонзаго» оставил машину и вошел в сад «Олимпия» со стороны Батайского переуллка, пересек его наискосок не задерживаясь. Затем, оказавшись на Московском проспекте, пешком прошел до Технологической площади в здание «Военмеха», где находился не менее часа. После чего сел в трамвай и проехал до Каменноостровского проспекта, где оторвался от наблюдения, используя проходные дворы...» Виктор Абакумов читал отчет своего человека. В последнее время ему не давала покоя активм академии при личном содействии вице-адмирала Гончарова, еще царского недобитка (потрясающая халатность ленинградских товарищей!), недавно был создан целый факультет, официально занимающийся ракетной техникой, но занимались они явно чем-то другим. Видел он эту немецкую ракетную технику. Она едва-едва с земли-то стартует – какой там с корабля! И точность... Чтобы попасть такой «Фау» в линкор, нужно их выпустить штук 200. Ясно, что ерунда полная. Никакой там нет ракетной техники, а что есть? Набиралась интересная компания: профессор Олонецкий, плотно опекаемый лично Берией, официально работающий над военно-транспортными системами, профессор Дукельский из Военмеха, вот сейчас к нему, без всякого сомнения, «Гон-

заго» и заходил. Постоянно там у них крутится этот «Гонзаго», – так люди Абакумова прозвали полковника Лапшина из отдела «Ф». Псевдоним был выбран не случайно. Актеры в «Гамлете» разыгрывали «Смерть Гонзаго», что позволило выявить незаконно захватившего власть Клавдия. Русский «Гонзаго» был своего рода символом плетущегося антисталинского заговора. Вообще этот отдел «Ф» – крайне сомнительная структура. Зачем им нужны были сведения о родственниках товарища Сталина? Что у них там делает Кольбе – этот махровый фашист, живущий на даче у Судоплатова? Чутье контрразведчика не обманывало. В недрах структур НКВД зрел дворцовый переворот. Который по счету? Страшно даже сосчитать! За 10 лет, из них почти 5 страшнейшей войны, трон Сталина опасно кренился несколько раз. Заговорщиков удавалось выявлять и ликвидировать, но они множились, как амебы, – делением. Минимум трижды люди Абакумова зачищали поляну, выжигали каленым железом, дезинфицировали, но снова и снова поступали сигналы. Одна структура рассыпалась под ударами НКВД, другая немедленно выстраивалась вновь. Причем кто! Адмиралы, маршалы, наркомы... После победы они вообще как с цепи сорвались! Как будто гигантского зверя смертельно ранили на Западе, и его тело стало биться в горячке на Востоке. Сколько же наших оказалось на стороне немцев? А ведь те показали – и это, пожалуй, самое страшное, – что большевиков можно бить, что это вовсе не та бравая армия-победительница, что была в Гражданскую. Есть сила, от которой большевики в ужасе бегут, побросав машины и тюки с пожитками, завернутые в исполкомовские портьеры. Увы, многие, дожившие до победы, эту картину помнили. Помнил ее и бывший командир СМЕРШа. Не потому ли так опасны тени фашистских зомби? И все конца-края им нет, лезут и лезут!

Абакумов давно взял на заметку это фашистское гнездо в Военно-морской академии, но покровительствовал им его непосредственный начальник, заместитель Председателя Совмина СССР – второй человек в государстве – Лаврентий Берия. Второй – всегда самый опасный. Первый не станет возглавлять переворот против самого себя, у третьих и четвертых – мало возможностей. Нужно тратить много сил на коалицию, а коалиции недолговечны. Только № 2 по-настоящему способен стать первым, потому что средств у него в достатке, информации, возможно, даже больше, чем у первого, да плюс еще синдром «вечно второго»

Массивные напольные часы, украшенные искусной резьбой – трофей из Цвикау, – в кабинете Абакумова пробили десять вечера. Докладная Хозяину была готова, но удастся ли ее передать напрямую? Передавать официально по инстанции – подписать себе смертный приговор, потому что официально и по инстанции это означало лично товарищу Берия в руки. Так что это даже не смешно. Нужно найти предлог подать докладную лично Сталину. Или... Или действовать через Власика...

* * *

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Совершенно секретно

Тов. Берия Л. П.

Уважаемый Лаврентий Павлович!

Работы, проводимые моей лабораторией в последнее время, особенно после перенесения ее на кафедру Военно-морской академии под руководство тов. Гончарова Л.Г. дали обнадеживающий результат.

Используя управляемое электромагнитное поле сверхвысокой частоты нам удалось успешно переместить на 200 м. стальную поковку весом более 800 г. А также капсулу с подопытной мышью на 35 м. Это позволяет считать,

что мы движемся в верном направлении. Остается лишь найти инженерное решение, позволяющее увеличивать мощность поля. <...>

* * *

Ройтер проснулся от нестерпимой боли в ноге. Ночь подходила к концу. Над их лагерем раскинулся невероятной красоты звездный шатер. Южный Крест, поблекший на светлеющем небе, плыл, как обычно, в окружении Мухи и Кентавра. Гакрукс совсем сник, но Акрукс и Мимоза различались вполне четко²⁰.

Он почему-то вдруг вспомнил небо над Нарвиком. Как же тогда все было просто! Была страна, которой он служил, был фюрер, которому он верил, была идея, которая казалась столь очевидной. А что от всего этого осталось сейчас? Фюрер погиб, страна разорена, идея... да уже одно упоминание о ней теперь преступление. Одна только мысль и та преступна. И кто он, предотвративший бессмысленную атаку Гамбурга? Спаситель оставшихся без всего этого немцев или предатель, трусивший и не подчинившийся приказу? Глупому приказу?

А как ты можешь судить со своей микроскопической кочки, глуп ли этот приказ? Если бы его отдал Папа, он бы ни секунды не сомневался. Но его отдал... Лют. Такой же, как и он, всего лишь, командир подлодки, его поддержал Рёстлер – хитрый жук, способный запутать кого угодно, особенно честного и прямого служаку, которым является Лют. Ему подчинился Линдемманн. И только они осмелились сопротивляться и искать правду... Теперь он сам себе фюрер. Возможно, то, что у него оказался партийный значок № 1 своего рода знамение. Ройтер покрутил его в руке. Какой маленький кусочек металла, и как много может значить. Он поднял его к светлеющему небу, держа двумя пальцами. Удалил-приблизил к глазам так, чтобы его контуры вписывались между звезд Южного Креста. Как дальше быть? Ответ! – Это был вопрос не к фюреру и не к Богу даже. Бог, тот Бог, в которого верила несчастная Вероника, Ройтера не любит. Это вопрос к кому-то, кто *над* Богом. Ведь ради чего-то же все это происходит!

Утренняя тишина, которая наполняла все окружающее пространство, и казалось, ее можно пощупать, нарушалась лишь потрескиванием углей в костре и двумя голосами, о чем-то оживленно спорившими.

Как мог догадаться Ройтер, это были Карлевитц и Майер.

– В момент контакта наблюдатель вступает во взаимодействие с объектом, и после этого ни состояние наблюдателя, ни состояние объекта не могут быть описаны отдельными волновыми функциями: их состояния спутываются, и волновую функцию можно написать только для единого целого – системы «наблюдатель + наблюдаемое», – доказывал Майер.

– То есть вы хотите сказать, что пока я не контактирую с видимым, хорошо, назовем его объектом, он находится в параллельной реальности, но как только я его *вижу*, он автоматически перестает быть фактом того мира и становится фактом этого мира. Получается, что я как бы «краду» этот объект из того мира и привношу в этот?

– Не только объект, но и весь параллельный мир с ним вместе. Наши координаты как бы спутываются. Да просто-напросто нет таких координат, которые бы наблюдатель мог построить вне наблюдаемого объекта, то есть уже, получается, самого себя. Чтобы завершить измерение, наблюдатель должен сопоставить свое новое состояние с прежним, зафиксированным в его памяти, для этого возникшую в момент взаимодействия запутанную систему надо вновь разделить на наблюдателя и объект.

²⁰ Звезды составляющие Южный Крест.

– Но сделать это можно по-разному. По существу, мы измеряем (наблюдаем) лишь проекции, воспринимаемые в нашем мире...

«О боже!» – подумал Ройтер. Они так и не ложились спать. Они спорят ночи напролет об «Ипсилоне», о путешествиях в параллельных мирах, в то время как их собственный мир, они сами могут быть уничтожены в любую минуту. Лучшее, что может быть – это пуля аргентинского пограничника. Худшее... мы попадем к «своим», и тогда умирать мы будем долго. Припасы на исходе. А Майер рассчитывает восстановить установку по чертежам, которые сейчас находятся в радиоактивных отсеках, затопленных морской водой, – наивный романтик!

– О, командир проснулся, – сообщил Карлевитц.

– Проснешься тут, – прохрипел Ройтер – у меня такое чувство, что ногу мне постоянно выкручивают.

– У меня больше нет обезболивающего... – вздохнул Карлевитц, – Все, кончилось. На фрау Лутц только тогда сколько потратили...

– Да, девчонка мучилась...

Ройтер стиснул зубы, преодолевая очередную волну боли. Как будто удар током, только *долгий*.

– Слушайте, вы тут говорили про всякие параллельности... Получается, если я видел Париж и слышал японок, то это все уже перетекло к нам из другого, параллельного, измерения и это уже *наше*... И это означает, что мы уже живем в мире, где все это *будет*...

– Вас не удивляло отношение древних греков к року, к предопределению? – спросил Майер – Меня – так очень. Будущее. Которое нельзя изменить ни при каких условиях, – это взгляд человека, способного путешествовать во времени, более того, *бывшего* в будущем – ни больше ни меньше. Вы помните Страсбург, 41-й год? Вы видели крушение «Берлина». Вы понимаете, что это уже предопределено?

– Нет... Не так... – Ройтер замахал рукой – В Атлантике, тогда, я рассказывал, при атаке на конвой, я видел несколько вариантов. Я видел убитого Унтерхорста, я слышал стучащих в переборки Раха и Карлевитца... А вот мы же здесь... И уж точно не умрем *так*, как я видел.

– Возможно, вы тогда увидели сразу несколько параллелей... – задумчиво произнес Майер. – Вернее, проекций этих параллелей. При определенных условиях, а это может быть состояние максимального физического и волевого напряжения, медитация, транс, формы измененного сознания, можно найти такую классическую проекцию, в которой на этот раз вы остаетесь в живых. Продолжая это рассуждение, можно прийти к выводу, что такого момента, когда умрете *все вы* во всех параллелях, никогда не наступит, а значит, хоть где-то, но вы будете жить вечно. Рассуждение логичное, но результат непредставим, не правда ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.